

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ПРАВИЛА ИЛИ НОРМЫ?

*Работа представлена кафедрой теории и истории социологии
Уральского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. Е. Вершинин

Одна из основных проблем социологической теории – выделение минимального элемента конструирования социальной реальности. Автор в качестве подобной единицы выделяет правило социального действия.

One of the main problems of the sociological theory is defining the minimal element of designing of a social reality. According to it the author determines the rule of the social action.

Одной из основных проблем социологической теории является проблема выделения «единицы» социальной реальности. В зависимости от мировоззренческой ориентации исследователя предлагались разные решения данной проблемы. Свое видение конструирования социальной реальности предложили А. Шюц, а также его

последователи конструктивисты П. Бергер и Т. Лукман. Все сформулированные концепции феноменологической школы базировались на одном фундаменте – идее Э. Гуссерля о жизненном мире индивида.

Однако за последнее столетие жизненный мир – мир повседневной жизни индивидов в развитых странах – существенно

изменился. Основная причина – внедрение в повседневность научно-технических достижений, вызвавшее две важных трансформации: действия индивидов все больше и больше опосредуются техническими устройствами, а радиус пространственно-временной досягаемости в деятельности человека существенно расширился. В связи с подобными изменениями вновь возник вопрос о том, что же является основной «единицей» конструирования социальной реальности.

В общепринятом понимании действия индивида регулируются социальными нормами, как средствами добровольного и осознанного сотрудничества людей¹, и в данном аспекте нормы приравниваются к таким «единицам». Однако, на наш взгляд, для уточнения природы социального действия необходимо рассматривать не только понятие «нормы», но и понятие «правила». Нормы и правила выступают как взаимосвязанные, но отдельные элементы построения социальной реальности. Вероятно, эвристичной может быть следующая аллегория: правила – «единицы» – атомы конструирования, нормы – молекулы.

Проблема соотношения правил и норм поднимается многими современными исследователями, в частности, венгерским философом А. Хеллер. Она анализирует феномен повседневности через категорию «человеческое условие». В рамках данной концепции правила и нормы взаимно дополняемы. Повседневность состоит из правил и норм обычного языка и его употребления; правил и предписаний для использования и манипуляции объектов, в первую очередь созданных руками человека; правил и норм человеческого общения, так называемых обычаев. Эти правила и нормы взаимосвязаны, поскольку дают необходимый смысл только в контексте друг друга².

Проблему взаимосвязи правил и норм поднимает этнометодолог А. Сикурел, показывая социальную структуру не столько как результат взаимодействия, а как след-

ствие отношения между «поверхностными» и «интерпретационными» (глубокими) правилами. Первые – нормы социальной жизни, вторые – внутренняя структура первых. Нормы не содержат инструкций по приписыванию значений окружающим объектам или событиям. Поэтому, чтобы решить проблему формулирования всеобщих правил в определенном социальном контексте, А. Сикурел использует понятие интерпретационных процедур, которые позволяют придать значение субъективным правилам, называемых социальными нормами³. В двух этих подходах правила рассматриваются как взаимосвязанные с нормами или являющиеся их внутренней структурой.

Еще один подход исследует правила и традиции как разные формы социальных норм⁴. Однако он не позволяет развести те элементы, которые формируют мир повседневности индивида изнутри и извне. Теоретическая непроясненность проблемы соотношения правил, норм, традиций в жизненном мире заставляет нас предложить собственное видение данной проблемы.

Все основные элементы жизненного мира индивида напрямую или опосредованно связаны с действиями других людей и сформированы в соответствии с полученным опытом. Опыт, как схема всего пережитого, есть результат важнейшего социального процесса – социализации – включения индивида в социальную жизнь – «опривычивания» внешних факторов и соотношения нового с уже пережитым. Этот процесс не является пассивным и связан с выбором того, как и на какие внешние факторы реагировать. Выбор индивида базируется на вере в истинность происходящего: «А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это *действительно достовернее тех вещей*, которые ему показывают? – Да, это так»⁵.

Внешняя необходимость – совокупность внешних по отношению к индивиду факторов, – ограниченная радиусом дей-

ствия самого индивида, его восприятия мира, в процессе социализации постоянно расширяется и изменяется. Реакция индивида на внешнюю необходимость выражена в его действиях. И внешняя необходимость, и действия с нею связанные, направлены на мир достигаемости индивида и затрагивают его повседневную жизнь. Происходящее изо дня в день, обыкновенные события есть, в общепринятом понимании, повседневность. Повседневность упорядочена и регулируется – в большинстве случаев индивид поступает так, как подсказывает ему накопленный опыт (схема всего пережитого) или так, как в подобной ситуации действуют другие, иными словами, следуя схемам регулярных и коллективных действий, которые координируют повседневную жизнь. Схемы регулярных и коллективных действий, результат которых ожидается известен, и являются правилами. Возникает вопрос: чем регулируем жизненный мир индивида – чему следует индивид, совершая действия? Следуя правилам или нормам?

Этимология слова «правило» подчеркивает обыкновенность, повседневность отраженных явлений, а в случае с «нормой» – принятый, установленный характер. Норма – это: 1) узаконенное установление, признанный обязательный порядок, строй чего-то, например, норма права, языковая норма, 2) установленная мера⁶. Правило – это: 1) положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений, 2) постановление, предписание, устанавливающие порядок чего-нибудь, 3) образ мыслей, норма поведения, обыкновения привычка⁷.

Специфику правил, а также соотношение норм и правил можно прояснить, прежде всего, через соотношение этих явлений с феноменом традиции. На наш взгляд, соотношение нормы и правила близко соотношению нормы и традиции. Традиция остается традицией, пока ее носителями являются живые люди. Осваиваются традиции через подражание или устное разъяс-

нение, правила не только через подражание или устное разъяснение, но и через формальное обучение (самообучение) и санкции/стимулы. Основное отличие традиции от нормы – в принципиальной «вписанности» первой в процессы жизнедеятельности (регуляция всегда «изнутри») и, наоборот, возможности (и преобладания) в норме регуляции «извне»⁸. Норма искусственно конструируема, санкционируема вне регулируемой ситуации, трансформируется по мере обнаружения в ней новых содержания и применения к новым ситуациям регулирования. У традиции противоположные основания. Традиция и норма имеют разные качественные временные характеристики: традиция связывает действие «здесь и сейчас» с прошлым, норма – с будущим, кроме того, норма реагирует на изменения, является механизмом внедрения инноваций.

Если сравнивать традиции с правилами, то можно увидеть, напротив, общие черты: «личностный компонент традиции состоит в акте добровольного принятия личностью некоторого набора правил в качестве необходимого закона, тем самым, в преданности определенному образу действия, в том, что называется самоотдачей и что является конститутивным источником личности»⁹. Правила являются продуктом внутренней необходимости и имеют для индивида естественные основания, вписаны в процессы его жизнедеятельности. Таким образом, есть два общих аспекта традиций и правил, отличающих их от норм: естественное основание и качественные временные характеристики. И следование правилу, и следование традиции – это действия на основе прошлого.

Правила существуют в условиях непротиворечивости нормам и действуют в рамках только регулируемой ситуации, создают устойчивость и постоянство жизни индивида, формируют повседневность. Повседневный мир индивида строится на следовании правилам. Усвоенные в процессе социализации правила во многом задают

способы: как думать, действовать, как и что планировать. Правила определяют, то есть конструируют действия. Можно сравнить этот тезис с ситуацией в шахматах: «Правила шахмат не регулируют априорно существующее действие, скорее правила шахмат создают саму возможность игры в шахматы. То есть правила конструируют шахматы»¹⁰.

Наличие правил делает возможным взаимодействие между людьми. Важность правил как средств регулирования взаимодействия можно проиллюстрировать легендой о Вавилонской башне. Получение результата невозможно без согласования действий, причем совершать действия индивиду приходится в условиях двойственности, соотнося свой выбор с комплексом правил, распространяющимся на мир повседневной жизни, и норм, более отдаленных и менее очевидно влияющих на ожидаемый результат абстракций. Социальные нормы не играют ключевой роли в ежедневном выборе индивида, будучи для индивида общепринятыми суждениями, отдаленными и абстрактными, влияя на его повседневную жизнь опосредованно через правила, которые формируются в рамках действующих норм.

На наш взгляд, последовательность упомянутых социальных феноменов можно выстроить следующим образом: схема – программа – правило – норма. В этой цепочке нет прямого следования одного за другим, все феномены взаимосвязаны. Основной выбор индивида – следовать известным схемам коллективных и регулярных действий (правилам), которые уже применялись в похожих ситуациях или формировать новую схему для достижения сформированных целей. В условиях отсутствия известного правила социальное действие есть реализация программы – реализация схемы действий, в которых каждое последующее действие выбирается как более эффективное для достижения поставленных целей и осуществляется на основе реализации предыдущих. Программа становится правилом, когда ее используют коллективно и

регулярно. Правило перерастает в норму, когда обобщается и распространяет свое влияние не только на конкретную ситуацию, к которой оно применимо. Так, правила дорожного движения формируют норму поведения водителей на дороге. Программное обеспечение, рассмотренное в рамках данной логики правил (в частности текстовые редакторы), формирует нормы документооборота. Правила, распространяясь за рамки ситуации их применения, становятся регулируемыми извне, подверженными влиянию других правил и норм. Трансформация правила в норму происходит, когда следование им перестает быть внутренней необходимостью индивидов, становится искусственной надстройкой, расширяя и обобщая те правила, которые ее формируют.

В какой-то мере нормы можно назвать более обобщенными вариантами правил. Норма соблюдать правила этикета не следует из правила есть рыбу с помощью рыбного ножа, нормы разговорной речи не следуют из языковых правил, слова произносятся, как слышатся. Повседневную жизнь индивида наполняют правила, нормы являются внешними регуляторами для вписывания повседневности индивида в единое целое социальной реальности. Социальные нормы – некие образцы, которым должно соответствовать поведение разных социальных групп.

Теоретическое осмысление разделения феноменов «правило» и «норма» необходимо в условиях усложнения общества, разделения мира человека на внешнюю социальность и внутреннее индивидуальное бытие. Большое количество правил порождает большое количество новых социальных норм. Поскольку трудно определить какие совокупности правил формируют ту или иную социальную норму, нормы становятся все более общими, абстрактными и размытыми. Правила же становятся значительно точнее.

Действия – следование правилу определяют повседневность индивида, соци-

альные нормы – внешнюю социальность. Действие – реализация программы подразумевает выбор индивида и строительство своего пути. Причем чем больше правил и норм, тем более жизнь общества становится размытой для индивида. Именно подобные противоречия, несоответствия между правилами как формой внутренней необходимости и нормами как общего внешнего регулятора дают возможность объяснить возникающие разрывы между коллективным и индивидуальным. Более того, чем больше правил, тем большее количество ситуаций ими охватывается и индивиду все меньше остается шагов для самостоятельных действий, следования не правилам, а самим разработанным программам.

Правила всегда соответствуют определенному набору ценностей. Они не могут существовать вне рамок ценностного поля. Следуя правилам, индивид соглашается и принимает данный набор ценностей, более того они становятся не внешним навязанным элементом, а внутренней необходимостью. Они становятся внутренней компонентой личности, дополняя или трансформируя уже имеющийся набор ценностных ориентаций.

При этом правила со своим ценностным набором вряд ли могут конфликтовать с социальными нормами, так как они формируются в рамках действующих норм. Конфликт ценностей может возникнуть при действии – реализации программы. Как только программа становится правилом, т. е. используется коллективно и регулярно, это означает – либо нормы трансформировались, либо новое правило породило новую норму.

Уточняя, какую роль играют правила в формировании норм, а какую нормы в формировании правил, вероятнее всего, мы попадем в неразрешимую дилемму. Новые правила вырастают из измененных или новых норм, новые нормы появляются на основе каких-то правил. Правило и норма взаимно порождают друг друга, при этом являются сущностно разными, имеют в своей основе разные основания: внутреннее и внешнее. Области регулирования при этом пересекаются, если правила регулируют мир достигаемости индивида, то нормы формируют возможность включения мира индивида в социальную реальность.

Разведение понятий норм и правил помогает уточнить структуру жизненного мира индивида и объяснить более конкретные причины возникновения аномии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ерасов Б. С.* Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 1994. Т. I. С. 103–104.
- ² *Гатаева Б. Т.* Концепции повседневности в зарубежной культурологии // *Paradigma*. 2004. № 3.
- ³ *Смирнова Н. М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки». М.: РАН Институт философии, 1997.
- ⁴ *Абушенко В. Л.* Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.
- ⁵ *Платон.* Государство. Собр. соч. в 3-х т. М., 1971. Т. 3 (1). С. 515 (выделено мной – М. Г.).
- ⁶ Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1993. С. 414.
- ⁷ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 511.
- ⁸ *Абушенко В. Л.* Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.
- ⁹ *Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского. М.: Прогресс, 1985. С. 289–338.
- ¹⁰ *Searle J.* The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995 / Пер. с англ. А. Романова. URL: http://www.koob.ru/searle/designing_social_reality